

The image shows the interior of a grand, ornate hall, likely a legislative chamber. The architecture is highly detailed, featuring a high, vaulted ceiling with intricate carvings and a large, arched opening at the far end. The walls are lined with ornate wood paneling and multiple levels of balconies with decorative railings. Numerous chandeliers and wall sconces provide warm, golden lighting. In the center of the main floor, a person wearing a dark coat and a hat stands with their back to the camera, looking towards the far end of the hall. The floor is polished and reflects the light from the fixtures.

Анатолий Шигапов

Дума
Заступник 3.0

Анатолий Шигапов

Дума Заступник 3.0

<https://litres.ru/73977978>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он проиграл выборы. Он потерял свидетелей. Ему предлагали власть в обмен на совесть - и он отказался.

«Дума» - третья часть записок Александра Зарецкого, провинциального адвоката, который решил бороться с системой не в зале суда, а в коридорах власти. И проиграл. Но его поражение оказалось страшнее любой победы для его врага - старого волка Тетерина.

Перед вами учебник политической борьбы, где нет места фальши. Только правда, чернила и надежда. Для тех, кто верит, что справедливость ещё можно выстудить.

«Факт сильнее жалости. Даже когда ложь подкреплена печатями».

Анатолий Шигапов

Дума Заступник 3.0

Предисловие к третьей книги

Эта книга - третья часть записок Александра Александровича Зарецкого, присяжного поверенного, а ныне гласного Грандалинской городской думы. Впрочем, название это обманчиво. «Дума» - не о думе. Она о том, что происходит с человеком, который, будучи привыкшим к победам в суде, вдруг оказывается перед системой, где суд - лишь ширма, закон - резиновый инструмент, а правда - товар неходовой.

Когда я начинал работать с черновиками Зарецкого, перебирая его потрёпанные тетради, пожелтевшие протоколы и письма, в которых отчаяние соседствует с надеждой, я и сам не ожидал, что эта история выйдет за пределы адвокатской конторы. Мне казалось, что читателю будет интереснее наблюдать за хитросплетениями дел в зале суда, за тем, как опытный защитник ловко разбивает доводы обвинения, как факт сильнее жалости, как чернила побеждают слёзы. Но Зарецкий, ещё при жизни получивший прозвище «грандалинский заступник», рассудил иначе. Он не просто защищал - он хотел менять порядки. И для этого ему потребовалось место в думе.

Для нас, живущих в иное время, в иной стране, эта наивность - идти во власть, чтобы быть честным, - вызывает спер-

ва усмешку, потом недоумение, а затем - глухую, саднящую тоску. Потому что мы знаем, как обычно заканчиваются такие истории. Но книга Зарецкого - не учебник политической борьбы. Это учебник человеческого достоинства.

Почему эта книга вообще существует?

Строго говоря, Зарецкий не собирался публиковать свои записи. Тетради, которые он вёл с первого дня ученичества у знаменитого московского адвоката Фёдора Никифоровича Плевако, были для него чем-то вроде духовного дневника. Туда он заносил не столько факты, сколько выстраданные принципы: «Ищи чернила, а не слёзы», «Факт сильнее жалости», «Усталость - главный враг адвоката». Туда же он записывал свои поражения, чтобы помнить их и не повторять ошибок. И только спустя много лет, когда слава о нём разнеслась далеко за пределы Грандалинска, когда бывшие клиенты стали приходить с детьми и внуками, он согласился передать свои бумаги для публикации. С условием: ничего не выдумывать, не приукрашивать, не делать из него героя.

Я попытался следовать этому условию. Насколько это возможно для того, кто восхищается своим героем.

Первые две книги познакомили читателя с тем, как провинциальный адвокат в одиночку бросал вызов несправедливости, выигрывал дела, которые считались безнадежными, и зарабатывал себе имя. Но именно третья книга - самая важная. Потому что в ней Зарецкий впервые терпит поражение. Не процессуальное, не мелкое - экзистенциальное. Он реша-

ет баллотироваться в городскую думу, чтобы влиять на законы, а не только лечить их последствия. И проигрывает.

Впрочем, слово «проигрывает» здесь не совсем точное. Счётная комиссия объявила победу Тетерина - человека, двадцать лет правившего городом с помощью взяток и страха. Но Зарецкий не считает себя побеждённым. Он считает, что правда осталась за ним. И в этом - главное отличие адвоката от политика. Политик мыслит категориями «выиграл - проиграл». Адвокат - категориями «правда - ложь». Даже когда ложь подкреплена печатями, подписями и вердиктами.

Честный человек во власти: миссия невыполнима?

Читатель, привыкший к современным политическим баталиям, может улыбнуться: какой наивный, какой архаичный взгляд на вещи. Деньги, связи, административный ресурс - разве можно победить их одной правдой? Зарецкий и сам это понимал. Понял он и другое: если ждать, пока система станет честной, то ждать придётся бесконечно. Справедливость не даётся сверху - она выковывается снизу, по одному человеку, по одному дому, по одному мосту на Северной окраине, который вот-вот рухнет под санями с дровами.

В этом смысле «Дума» - книга очень современная. Не потому, что в ней есть полицейские обыски, подкуп свидетелей и фальсификация выборов (увы, это вечные сюжеты). А потому, что она ставит перед читателем вопрос: что делать, когда легальные способы борьбы исчерпаны? Идти на сделку с «тенью»? Смириться? Уехать? Или остаться и работать

каждый день, помогая тем, кто не может помочь себе сам, не надеясь на скорый результат, не требуя благодарности и не страшась новых поражений?

Зарецкий выбрал последнее. И тем - для меня лично - является настоящим героем. Не тем, который в одиночку свергает тиранов, а тем, который каждое утро садится за стол, обмакивает перо и пишет очередную жалобу, зная, что её, скорее всего, отклонят. Но пишет. Потому что это его работа.

Особенности этой книги

В отличие от предыдущих частей, где действие почти целиком разворачивалось в зале суда или в конторе, «Дума» выводит героя на новую сцену - городскую площадь, избирательные участки, залы заседаний, коридоры власти. Здесь меньше цитирования законов и больше живых разговоров. Здесь Зарецкий не столько доказывает вину или невиновность подзащитного, сколько убеждает живых людей - напуганных, уставших, разуверившихся. И это, пожалуй, самое трудное.

Читатель найдёт здесь и привычные элементы адвокатского детектива: поиск свидетелей, работа с документами, неожиданные повороты. Но на первый план выходит другое - психологическая драма человека, который оказался между двумя мирами. Миром адвокатов, где всё решают факты и закон, и миром политиков, где всё решают деньги и страх.

Я много размышлял о том, почему Зарецкий не остановился после первого поражения. Почему не уехал в Москву,

где его ждали тёплое место и благодарные клиенты. И пришёл к выводу: он не мог уехать, потому что оставлял за спиной не просто город, а людей, которые в него поверили. Вдову Пуговкину, чей дом спасли от сноса. Мельника Степанова, отстаившего свой ручей. Солдатку Марфу, добившуюся пенсии через суд. И тех, кому он не смог помочь, - Пелагею Васильевну, чей дом всё-таки снесли. Он не мог их бросить. И в этом была его сила и его слабость.

О языке и стиле

Публикуя черновики Зарецкого, я постарался максимально сохранить его стиль - живой, немного старомодный, с оборотами речи, которые сегодня редко встретишь в юридических документах. Он не был литератором. Он был адвокатом. Поэтому в его текстах так много канцеляризма, таких любимых им «протоколов», «показаний», «выписок из кадастра». Но сквозь эту казёнщину всегда пробивается живая интонация - горячая, ироничная, иногда отчаянная. Зарецкий не умел говорить о чувствах, он умел их проживать.

Особенно хорошо ему удаются диалоги. Я не раз ловил себя на том, что слышу голоса его собеседников - Фомы с его философскими вздохами, Елены с её тихой мудростью, Тетерина - с тяжёлым, почти уважительным цинизмом. Эти голоса не выдуманы. Они списаны с жизни, с людей, которых Зарецкий встречал на своём пути. И в этом - ценность записок. Это не беллетристика. Это документ.

Вместо введения

Третья книга - самая драматичная. В ней Зарецкий теряет друзей (свидетели исчезают или умирают), подвергается травле (слухи о том, что он берёт деньги с бедных), получает угрозы в адрес близких. В ней он впервые близко сталкивается с «тенью» - людьми, которые не имеют имени, но имеют власть. Он отказывается от их помощи, хотя знает: без неё ему не выиграть. И проигрывает. Но проигрывает так, что его поражение становится убедительнее многих побед.

Я не буду пересказывать сюжет. Скажу лишь, что финал этой книги, на первый взгляд, парадоксален. Зарецкий добивается пересчёта голосов, выигрывает суд в Сенате, входит в думу, отстаивает дом Насти с Северной улицы, ремонтирует мосты. А Тетерин, его главный враг, уходит в отставку и уезжает к дочери в Петербург - нянчить внуков. Нет ни громкого разоблачения, ни тюремного срока, ни всенародного покаяния. Тетерин просто уходит, потому что устал и потому что понял: вера людей потеряна, а без неё власть не держится.

И в этом - главная правда книги. Зло редко бывает побеждено в финальной битве. Оно просто стареет, теряет энергию и уступает место тем, кто готов работать каждый день. Зарецкий не победил Тетерина в юридическом смысле. Он пережил его. И это - единственная победа, которую может одержать честный человек в нечестной системе.

Перед вами - история этой победы. Без пафоса, без фанфар, без хэппи-энда в голливудском смысле. Но с главным,

что есть в жизни - с надеждой.

Надеюсь, ты, читатель найдёшь в этой книге то, что искал.
И не разочаруешься.

Анатолий Шигапов

Глава 1. Выборы

Зарецкий не спал вторую ночь подряд.

Он сидел в конторе при двух свечах - третью было жалко жечь, керосин тоже стоил денег, а после поездки в Москву бюджет был почти пуст. На столе перед ним лежали списки избирателей, карта участков, черновики речей, которые он так и не произнёс. Выборы должны были начаться завтра в восемь утра, и он всё ещё не знал, готов ли. Не как кандидат - как человек.

Две недели агитации вымотали его до предела. Каждый день - с утра до ночи: обходы, встречи, разговоры, уговоры, листовки, которые пачкали руки типографской краской. Он обошёл больше трёхсот домов на Восточном околотке. Говорил с рабочими, с лавочниками, с мастеровыми, с вдовами, с солдатками. Каждый раз одно и то же: «Я ваш адвокат. Вы меня знаете. Я помогал вам бесплатно. Теперь я хочу помогать вам в думе. Не обещаю чудес - обещаю, что не буду молчать».

Люди слушали. Кто-то верил, кто-то сомневался, кто-то отворачивался, боясь даже смотреть в сторону того, кто осмелился идти против Тетерина. Но всё больше верящих.

Фома приносил новости: на Западном околотке, где Тетерин всегда имел большинство, теперь появились сомневающиеся. На Северном - открыто заявляли, что голосуют за Зарецкого. Даже в центре, среди купцов, которые раньше боялись произносить его имя, теперь шептались: «А что, может, и правда пора менять?»

Тетерин чувствовал это. Зарецкий знал - у него везде свои люди. Они доносили, что атмосфера в городе меняется. Что люди, которые раньше молчали, теперь говорят. Что страх, которым он держал Грандалинск двадцать лет, начинает давать трещину.

И поэтому Тетерин готовил ответный удар.

Фома предупреждал: «Барин, они что-то затевают. Я слышал, к нему приезжали люди из Петербурга. Советовались. Что-то готовят». Зарецкий не знал, что именно. Но знал - будет плохо.

Ночь перед выборами была тёплой, почти душной. За окном, в саду вдовы Травиной, стрекотали кузнечики. Где-то лаяла собака. Где-то, в соседнем доме, плакал ребёнок. Всё как всегда. Но Зарецкий чувствовал - что-то должно случиться. Что-то, что изменит всё.

И оно случилось.

Стук в дверь раздался в первом часу ночи.

Зарецкий вздрогнул, поднял голову. Свечи уже догорали, оплывали, нагар падал на бумаги. Он встал, подошёл к двери, отодвинул засов.

На пороге стояли двое.

Первый был невысоким, коренастым, в дорогом сюртуке и шляпе. Лица его Зарецкий не разглядел - шляпа была низко надвинута на лоб, воротник поднят. Второй - высокий, худой, с длинными, как у пианиста, пальцами. Он держал в руках трость - серебряную, с набалдашником в виде львиной головы. Оба были явно не из Грандалинска - одежда дорогая, лица холёные, руки ухоженные.

- Господин Зарецкий? - спросил первый. Голос у него был низкий, вкрадчивый, с лёгким петербургским акцентом.

- Я, - ответил Зарецкий, не отступая. - Кто вы?

- Доброжелатели, - сказал второй, усмехнувшись. - Можно войти?

- Зачем?

- Поговорить. Не на улице же.

Зарецкий помедлил. Потом отступил, пропуская их.

- Проходите. Только недолго. У меня мало времени.

- Мы знаем, - сказал первый, проходя в контору. - Завтра выборы. Мы как раз по этому поводу.

Они сели на стулья - уселись свободно, по-хозяйски, как будто были здесь хозяевами. Зарецкий остался стоять, скрестив руки на груди.

- Говорите, - сказал он.

Первый - коренастый - достал портсигар, предложил Зарецкому. Тот отказался. Закурил сам. Дым от папиросы был тонким, ароматным - дорогой табак, не тот, что продавали в

Грандалинке.

- Александр Александрович, - начал он, выпуская клуб дыма в потолок. - Мы представляем влиятельных людей. Людей, которые следят за положением дел в губернии. И мы обеспокоены.

- Чем? - спросил Зарецкий.

- Вами, - сказал второй, худой. - Вашей кандидатурой. Вы - человек молодой, горячий. Вы хотите изменить город. Это похвально. Но вы не понимаете, на что идёте.

- Я понимаю, - ответил Зарецкий.

- Нет, не понимаете. - Коренастый затушил папиросу о подошву сапога, спрятал окурок в карман - следов не оставлял. - Тетерин - это не просто человек. Это система. Двадцать лет он строил свою машину. И в этой машине всё работает, как часы. Если вы попытаетесь её сломать, вы сломаетесь сами. И не только вы - те, кто за вами стоит. Ваша сестра. Ваша мать. Ваши люди.

Зарецкий похолодел.

- Вы угрожаете?

- Предупреждаем, - поправил худой. - Разница есть. Угрожают бандиты. А мы - доброжелатели. Мы хотим, чтобы вы остались живы и здоровы. И ваши близкие - тоже.

- И что вы предлагаете?

- Снять кандидатуру, - прямо сказал коренастый. - Завтра утром. До открытия участков. Написать заявление, что вы отказываетесь от участия в выборах по личным причинам.

Мы позаботимся, чтобы это выглядело прилично.

- А если я откажусь?

Худой пожал плечами.

- Тогда нам будет жаль. Очень жаль. Но мы ничего не сможем сделать. Тетерин не прощает. Вы уже должны были это понять.

Зарецкий смотрел на них. На их дорогие сюртуки, на холёные лица, на трость с серебряным набалдашником. Они не были похожи на бандитов. Они были похожи на чиновников. На тех, кто привык решать дела не грубой силой, а давлением - тихим, незаметным, но неотвратимым.

- Передайте Тетерину, - сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, - что я не сниму кандидатуру. Я буду баллотироваться. И я выиграю.

Коренастый и худой переглянулись.

- Вы уверены? - спросил худой.

- Абсолютно.

- Зря, - сказал коренастый, поднимаясь. - Очень зря. Вы умный человек, Зарецкий. Но вы не знаете, с кем связались. Тетерин - это не Кривошеин и не Комаров. Это уровень выше. Вы не готовы.

- Я готов, - ответил Зарецкий. - А теперь - уходите. Мне нужно готовиться к завтрашнему дню.

Они ушли. Так же тихо, как пришли. Зарецкий запер за ними дверь, вернулся к столу. Руки дрожали - он не мог их унять.

- Фома! - крикнул он.

Фома уже был на ногах - наверное, слышал разговор.

- Я здесь, барин.

- Ты слышал?

- Слышал.

- Что скажешь?

- Скажу, что они не шутят, - Фома тяжело вздохнул. - Такие люди не приходят просто так. Если они сказали - значит, сделают. Или попытаются.

- Я не сниму кандидатуру, - сказал Зарецкий. - Я буду бороться.

- Знаю, барин. - Фома помолчал. - Я завтра с вами. И Крутицкий. И Елена. И все, кто верит.

- Спасибо, Фома.

- Не за что. - Фома перекрестился на икону. - Дай Бог нам силы.

Зарецкий остался один. Свечи догорели. Он сидел в темноте, смотрел в одну точку, и думал.

Они пришли. Тетерин нанёс удар. Не через суд, не через полицию - через страх. Страх за семью, за близких, за тех, кто дорог. Удар ниже пояса. Самый подлый, самый опасный.

«Я не отступлю, - подумал он. - Если я отступлю сейчас - всё, что было, потеряет смысл. Пелагея Васильевна, её дом, двенадцать семей с Кирпичной улицы, Самсонов, Копылов - все они будут забыты. А Тетерин будет править вечно».

Он встал, подошёл к окну. Ночь была тёмной, безлунной.

Звёзды мерцали - мелкие, далёкие, равнодушные.

«Я не отступлю, - повторил он. - Я буду бороться. Даже если это будет стоить мне жизни».

Он лёг на койку, закрыл глаза. Сон не шёл - мысли лезли в голову, путались, перебивали друг друга. Но он заставил себя не думать. Отключился. Как учил Плевако: «Если не можешь решить проблему сейчас - отложи её на завтра. Завтра будет новый день. Может быть, с новыми силами».

Он уснул под утро. И приснился ему Тетерин - грузный, в дорогой шубе, с тростью. Тетерин смотрел на него и усмеялся.

- Мальчишка, - сказал он во сне. - Думаешь, победишь?

- Думаю, - ответил Зарецкий.

- Зря, - сказал Тетерин. - Зря.

И исчез.

Зарецкий проснулся в холодном поту.

Солнце уже встало, заливало комнату жёлтым светом. За окном пели птицы, лаяли собаки, шумел город.

Начинался день выборов.

Зарецкий пришёл на избирательный участок № 18 Восточного околотка в половине восьмого, за полчаса до открытия. Фома и Крутицкий были с ним - Фома нёс список наблюдателей, Крутицкий - папку с документами.

Участок размещался в здании приходского училища - старой, облупившейся школе с высокими окнами и покосившимся крыльцом. Над дверью висел флаг - бело-сине-крас-

ный, цвета государственные, но выцветший, с дырой посередине. У входа толпились люди - избиратели, наблюдатели, просто зеваки.

- Фома, - сказал Зарецкий. - Наши наблюдатели на местах?

- На местах, барин. Все пять человек. На каждом участке - по одному.

- Инструкции помнят?

- Помнят: смотреть, записывать, не спорить. Если увидят нарушения - сразу ко мне.

- Хорошо.

Они вошли внутрь.

Училище внутри оказалось просторным, с высокими потолками и скрипучими деревянными полами. В главном зале стояли столы для голосования - накрытые зелёным сукном, с урнами для бюллетеней. У стен - скамейки для наблюдателей. В углу - портрет государя, перед которым теплилась лампада.

Председатель участковой избирательной комиссии - пожилой мужчина с бакенбардами и золотыми очками - встретил Зарецкого холодным взглядом.

- Господин Зарецкий? - спросил он.

- Да, - ответил Зарецкий. - Я кандидат. Имею право присутствовать при голосовании.

- Знаю, - сухо сказал председатель. - Ваше место - вон там. - Он указал на скамейку у стены. - Сидите и не мешайте.

Зарецкий сел. Фома и Крутицкий - рядом.

Ровно в восемь утра председатель ударил колокольчиком.

- Выборы открыты! - объявил он. - Прошу избирателей приступить к голосованию.

Первый избиратель подошёл к столу, предъявил паспорт. Член комиссии проверил документы, сверил со списком, выдал бюллетень. Избиратель зашёл за ширму, через минуту вышел и опустил бюллетень в урну.

Всё как положено. Всё чин-чинарём.

Зарецкий смотрел, запоминал, анализировал. Всё было правильно. Подозрительно правильно.

Через час пришёл первый наблюдатель от Зарецкого - молодой парень, студент, которого Крутицкий нанял за три рубля.

- Александр Александрович, - сказал он, наклоняясь к уху Зарецкого. - На участке № 10 - нарушения. Председатель не допустил нашего наблюдателя к урне. Сказал, что он «не имеет права».

- Как это - не имеет права? - Зарецкий встал. - Закон решает.

- А они говорят, что у них свои правила.

- Фома, - сказал Зарецкий. - Оставайся здесь. Крутицкий, поехали.

Они вышли, сели на извозчика - Крутицкий нашёл его за углом, - и поехали на участок № 10.

Там было то же самое. Председатель - молодая женщина с острым лицом и колючими глазами - заявила, что «наблю-

датели не нужны, у нас всё честно».

- У вас есть право не пускать наблюдателей? - спросил Зарецкий.

- Это наше право, - ответила она. - Участок - наша территория.

- Закон говорит иначе, - сказал Зарецкий. - Я буду жаловаться.

- Жалуйтесь, - усмехнулась она. - На здоровье.

Зарецкий вышел. В коридоре он остановился, достал тетрадь, записал: «Участок № 10, председатель - Петрова, наблюдателя не пустили, ссылаются на «внутренние правила». Нарушение статьи 45 закона о выборах».

- Крутицкий, - сказал он. - Запомни это. Потом пригодится.

Они поехали на участок № 3.

Там было хуже.

У входа стояли двое - в штатском, но с полицейскими лицами. Они преградили Зарецкому дорогу.

- Вы к кому?

- Я кандидат. Имею право присутствовать.

- Сегодня - никого. Только избиратели.

- Закон...

- Закон мы знаем, - перебил один, коренастый, с короткой шеей. - Идите, откуда пришли. Не создавайте проблем.

Зарецкий хотел возразить, но Крутицкий тронул его за локоть.

- Александр Александрович, не надо. Они же полицейские. Арестуют - вы не сможете голосовать.

Зарецкий стиснул зубы.

- Записывай, - сказал он. - Участок № 3, наблюдателя не пустили, кандидата не пустили. Нарушение.

Они вернулись на участок № 18. Там всё было тихо - подозрительно тихо. Фома сидел на скамейке, смотрел в одну точку.

- Ну что, барин? - спросил он, когда Зарецкий сел рядом.

- Плохо, - ответил Зарецкий. - На двух участках нас не пустили. На третьем - полиция.

- Значит, готовятся к вбросам, - сказал Фома. - Без свидетелей они могут делать что хотят.

- Знаю. - Зарецкий помолчал. - Но жаловаться некому. Участковые комиссии - Тетерина. Вышестоящая комиссия - тоже Тетерина. Суд - Тетерин.

- И что делать?

- Ждать, - сказал Зарецкий. - Ждать и надеяться, что честных избирателей будет больше, чем вбросов.

Они ждали.

К трем часам дня явка была низкой - чуть больше тридцати процентов. На Восточном околотке, где Зарецкого знали и любили, народу было немного. Люди боялись. Те, кто обещал голосовать, не приходили.

- Фома, - сказал Зарецкий. - В чём дело?

- Запугали, барин. - Фома покачал головой. - Тетерин по-

дослал своих людей. Ходят по домам, говорят: «Если проголосуете за Зарецкого - уволят. Выселят. Арестуют». Люди боятся.

- Проклятье, - выругался Зарецкий. - Проклятье.

К пяти часам вечера явка поднялась до сорока процентов. К шести - до пятидесяти. Зарецкий не верил в чудо - он знал, что это Тетерин подвозит своих избирателей. На лошадях, на извозчиках. Люди из других районов, которые никогда не жили на Восточном околотке, приходили и голосовали за «своего» кандидата.

- Это незаконно, - сказал Крутицкий.

- Незаконно, - согласился Зарецкий. - Но доказать невозможно. Они привозят людей с паспортами. Паспорта настоящие. Прописки - поддельные. Но кто это проверит?

- Комиссия, - сказал Крутицкий.

- Комиссия - на их стороне. - Зарецкий встал. - Всё. Я больше не могу сидеть. Пойду, пройдуся.

Он вышел на улицу.

Вечерело. Солнце клонилось к закату, золотило крыши домов, стёкла окон, штыки городских. На площади былолюдно - избиратели шли и шли, толпились у входа, спорили, ругались. Зарецкий смотрел на них и чувствовал бессилие.

«Я проигрываю, - подумал он. - Я проигрываю, ещё до того, как объявлены результаты. Потому что у меня нет денег, нет связей, нет власти. Только правда. А правда на выборах - товар неходовой».

Он вернулся в участок, сел на скамейку. Ждать.

В восемь вечера участки закрылись. Председатель ударил колокольчиком.

- Голосование окончено! - объявил он. - Прошу всех покинуть помещение. Мы начинаем подсчёт голосов.

Зарецкий встал.

- Я имею право присутствовать при подсчёте, - сказал он.

- Имеете, - ответил председатель. - Сидите там, где сидели.

И не мешайте.

Началось вскрытие урн.

Зарецкий смотрел, как члены комиссии достают бюллетени, раскладывают их по стопкам, считают. Всё было правильно - формально, по закону. Но он видел, как одна стопка росла быстрее другой. Как бюллетени за Тетерина появлялись пачками, а за него - по одному, по два.

- У вас есть протокол? - спросил он.

- Будет, - ответил председатель. - После подсчёта.

- Я имею право на копию.

- Имеете. Получите.

Через два часа подсчёт закончился.

- На участке № 18, - объявил председатель, - проголосовало 847 избирателей. Из них: за кандидата Зарецкого - 312, за кандидата Тетерина - 527. Недействительных бюллетеней - 8.

Зарецкий записал цифры.

- Это окончательные данные? - спросил он.

- Окончательные.

- Я требую пересчёта.

- На каком основании? - председатель поднял бровь.

- На основании того, что я видел нарушения. Бюллетени за Тетерина были упакованы в пачки. Это не может быть случайностью.

- Вы обвиняете комиссию в подлоге? - спросил председатель ледяным тоном.

- Я требую пересчёта, - повторил Зарецкий.

Председатель посмотрел на членов комиссии. Те молчали.

- Пересчёт будет завтра, - сказал он. - Приходите. Но вряд ли это изменит результат.

Он встал, взял протокол, подписал. Члены комиссии подписали следом.

Зарецкий вышел на улицу. Ночь была тёмной, прохладной. Звёзды мерцали - мелкие, далёкие, равнодушные.

Фома и Крутицкий ждали его у крыльца.

- Ну что, барин? - спросил Фома.

- Плохо, - ответил Зарецкий. - 527 против 312. Проигрыш.

- А на других участках?

- Не знаю ещё. Завтра узнаем.

Они пошли домой - пешком, потому что извозчиков уже не было. Шли молча. Каждый думал о своём.

Зарецкий думал о том, что он проиграл. Не потому, что люди не хотели за него голосовать - потому что Тетерин украл у них этот выбор. Украл бюллетени, украл голоса, украл надежду.

«Я не сдамся, - подумал он. - Я буду жаловаться. Буду требовать пересчёта. Буду бороться до конца».

На следующий день Зарецкий подал жалобу в вышестоящую избирательную комиссию.

Он написал её сам - долго, тщательно, подбирая каждое слово. Ссылался на статьи закона, на прецеденты, на очевидные нарушения. Приложил показания наблюдателей, записи, сделанные на участках. Требовал пересчёта голосов на трёх участках, где были замечены нарушения.

- Отправляй, - сказал он Фоме, запечатывая конверт. - Сегодня же.

- Сделаю, барин.

Фома ушёл. Зарецкий остался один. Елена сидела за своим столиком, переписывала бумаги - дела адвокатские, которые не ждали, пока он будет бороться за своё место в думе.

- Саша, - сказала она. - Ты не боишься?

- Чего? - спросил он.

- Что они не примут жалобу. Что затянут. Что ничего не сделают.

- Боюсь, - ответил он. - Но я должен попытаться. Если я не попытаюсь - я проиграл уже сейчас.

- А если откажут?

- Тогда пойду в суд. А если суд откажет - в Сенат. А если Сенат - в газеты. Я не остановлюсь.

Она посмотрела на него долгим взглядом. Потом кивнула.

- Верю, - сказала она. - Верю.

Через три дня пришёл ответ.

Комиссия отказала в пересчёте, «не найдя оснований для сомнений в честности голосования».

Зарецкий прочитал бумагу, положил на стол. Фома и Елена ждали, глядя на него.

- Что там, барин? - спросил Фома.

- Отказали, - ответил Зарецкий. - Как и ожидалось.

- Что теперь?

- Теперь - суд. Я подаю иск о признании выборов недействительными.

Он взял чистый лист, обмакнул перо.

«В Московский окружной суд. Исковое заявление о признании выборов гласных Грандалинской городской думы недействительными...»

Он писал долго. Всю ночь. А когда закончил, посмотрел на результат и подумал: «Это только начало. Самое трудное - впереди».

Тетерин, наверное, уже знал. Усмехался в усы. Думал, что мальчишка сдастся, уедет, забудет.

«Не сдамся, - подумал Зарецкий. - Не уеду. Не забуду».

Он запечатал конверт, написал адрес.

- Фома, - позвал он. - Отправь. Ценной бандеролью.

- Сделаю, барин.

Фома вышел. Зарецкий остался один.

За окном вставало солнце - жёлтое, яркое, почти летнее. Грандалинск просыпался, шумел, жил своей жизнью.

«Я ещё вернусь, - подумал Зарецкий. - Я ещё стану гласным. Обещаю».

Он взял тетрадь и записал:

«3 июня 1888 года. Выборы проиграны. Жалоба отклонена. Подаю в суд.

Тетерин думает, что победил. Он ошибается. Это только первый бой.

Я не сдамся. Я буду бороться. Я докажу, что прав».

Он закрыл тетрадь, спрятал в ящик, запер.

Глава 2. Тень сомнения

Прошла неделя с тех пор, как Зарецкий подал иск в Московский окружной суд. Ответа не было. Тишина тянулась, как резиновая - тяжёлая, душная, почти осязаемая. Зарецкий каждый день заходил на почту, спрашивал, нет ли заказного письма из Москвы. Почтальон, молодой парень с прыщавым лицом, пожимал плечами: «Нет, барин. Ничего нет».

Зарецкий понимал: тянут. Тетерин через своих людей в судебной палате затягивает рассмотрение. Чем дольше они будут ждать, тем меньше шансов, что иск удовлетворят. Люди привыкнут к тому, что Зарецкий проиграл. А привычка - она хуже любого закона.

Он сидел в конторе, перебирал бумаги, и думал. Адвокатские дела не ждали - за эту неделю пришло пятеро новых клиентов. Мельник, у которого сосед снова перекрыл воду. Вдова, у которой отбирали дом. Солдатка, которой задержа-

ли пенсию. Зарецкий работал, но мысли были не здесь. Они были там - в здании суда, в кабинетах чиновников, в головах тех, кто решал его судьбу.

- Фома, - сказал он однажды утром. - Я больше не могу ждать. Нужно действовать.

- Что вы задумали, барин? - спросил Фома, откладывая метлу - он как раз подметал пол в приёмной.

- Расследование. Самостоятельное. Если суд не хочет искать правду - найду её сам.

- Опасно, барин. Тетерин...

- Знаю. - Зарецкий встал, подошёл к окну. - Но если я не попробую - я проиграл уже сейчас.

Он повернулся к Фоме.

- Список свидетелей, которые видели нарушения на участках. Ты их собирал?

- Собирал, барин. - Фома полез в карман, вытащил сложенный вчетверо лист. - Вот. Семь человек. Все согласны говорить. Пятеро боятся, но согласны. Двое - не боятся совсем.

- Кто?

- Учительница, Анна Петровна Соколова. И сторож, Егор Кузьмич. Старый, больной, ему терять нечего.

Зарецкий взял список, пробежал глазами. Учительница - молодая женщина, тридцати лет, работала в приходской школе на Западном околотке. Сторож - отставной солдат, инвалид, жил в богадельне. Остальные - мастеровые, лавочники, один мелкий чиновник.

- Начнём с учительницы, - сказал Зарецкий. - Она наиболее грамотная. Её показания будут весомее.

- Она согласна, барин. Я уже говорил с ней. Сказала: «Приходите, расскажу».

- Тогда сегодня же.

Школа находилась на Западном околотке, в двухэтажном деревянном здании с облупившейся краской и покосившимся крыльцом. Внутри пахло мелом, старыми книгами и казёнными чернилами. Зарецкий поднялся на второй этаж, нашёл класс, где преподавала Анна Петровна. Дверь была открыта.

Учительница сидела за столом, проверяла тетради. Это была молодая женщина с тёмными волосами, собранными в пучок, в простом, но опрятном платье. Лицо её было бледным, под глазами - тени. Видно, не спала.

- Анна Петровна? - спросил Зарецкий, останавливаясь на пороге.

- Да, - она подняла голову. - А вы?..

- Зарецкий. Адвокат. Мы договаривались.

- Ах да, - она встала, протянула руку. - Проходите, садитесь. Извините за беспорядок.

Зарецкий сел на стул для учеников - маленький, неудобный. Анна Петровна села напротив, сложила руки на столе.

- Вы по поводу выборов? - спросила она.

- Да, - ответил Зарецкий. - Фома сказал, вы видели нарушения на участке № 3.

- Видела. - Она помолчала, подбирая слова. - Я была наблюдателем от вашей компании. Точнее, пыталась быть. Меня не пустили к урне - сказали, что «наблюдатели не нужны». Но я всё равно видела.

- Что вы видели?

- Бюллетени. Пачки. - Она понизила голос, хотя в классе никого не было. - Перед закрытием участка к столу подошёл человек в штатском. Он передал председателю большой конверт. Председатель открыл конверт, вытащил пачку бюллетеней - они были уже заполнены - и опустил их в урну. Все сразу.

- Вы узнали этого человека?

- Нет. Он был в шляпе, низко надвинутой. Но я запомнила его руки. Он был левшой. И на правой руке - кольцо. Перстень. С красным камнем.

Зарецкий записывал. Слово за словом. Деталь за деталью.

- Вы можете повторить это под присягой? - спросил он.

Анна Петровна побледнела.

- В суде?

- Да. В суде.

Она замолчала. Пальцы её дрожали, перебирая край платка.

- Я... - начала она и замолчала.

- Я понимаю, это страшно, - сказал Зарецкий. - Тетерин - человек влиятельный. Он может навредить вам. Вашей семье. Но без ваших показаний я не смогу доказать нарушение.

ния. И выборы останутся нечестными. Люди, которые голо-
совали за меня - за правду, - будут обмануты.

- А если я соглашусь - он не тронет меня?

- Не могу обещать, - честно ответил Зарецкий. - Но я сде-
лаю всё, чтобы защитить вас. И вашу семью.

Она долго молчала. Смотрела в окно, за которым зеленел
сад, цвели яблони, пели птицы. Потом перевела взгляд на
него.

- Хорошо, - сказала она. - Я буду свидетельствовать.

- Спасибо, - сказал Зарецкий. - Вы - смелая женщина.

- Не смелая, - ответила она. - Просто устала бояться.

Он записал её показания, попросил подписать. Она под-
писала - дрожащей рукой.

- Завтра приедет следователь из Москвы, - сказал Зарец-
кий. - Он будет разговаривать с вами. Не бойтесь. Говорите
правду. Только правду.

- Я буду, - ответила она. - Я буду.

Зарецкий вышел из школы, вдохнул свежий воздух. Вес-
на цвела - пахло сиренью, молодой листвой, землёй. Где-то
далеко, за городом, гремела гроза.

«Одна есть, - подумал он. - Ещё шестеро».

Он пошёл к сторожу Егору Кузьмичу.

Богадельня стояла на окраине, у самого леса. Это было
мрачное двухэтажное здание с зарешеченными окнами и об-
лупившейся штукатуркой. Внутри пахло щами, старостью и
лекарствами. Зарецкий прошёл по длинному коридору, на-

шёл комнату сторожа.

Егор Кузьмич сидел на койке, чинил старый сапог. Это был старик лет семидесяти, сухой, как щепка, с жидкой седой бородой и добрыми, выцветшими глазами. Увидев Зарецкого, он отложил сапог, встал.

- Вы адвокат? - спросил он, опираясь на палку.

- Да. Зарецкий.

- Садитесь, - старик указал на табурет. - Фома говорил, что вы придёте. Я готов.

- Что вы видели на участке № 18? - спросил Зарецкий, доставая тетрадь.

Старик сел на койку, сложил руки на коленях.

- Я был там сторожем. Следил за порядком. Видел, как привезли ящик. Утром, ещё до открытия.

- Ящик? - Зарецкий насторожился. - Какой ящик?

- С бюллетенями, барин. - Старик понизил голос. - Их привезли на грузовике. Двое молодцов в штатском выгрузили, занесли в здание. Я спросил: «Что это?» Они сказали: «Не твоё дело, старик. Сиди и не высовывайся».

- И что было в ящике?

- Не знаю, барин. Но после того, как его занесли, председатель сказал своим: «Теперь можем не волноваться. У нас есть запас». Я понял: бюллетени. Уже заполненные. На случай, если явка будет низкой.

- Вы можете повторить это под присягой?

Старик помолчал.

- Могу, - сказал он. - Мне терять нечего. Детей нет, жены нет. Один на всём свете. За меня никто не заступится. Так чего мне бояться?

- Спасибо, Егор Кузьмич, - сказал Зарецкий.

- Не за что, барин. - Старик перекрестился. - Хоть перед смертью правду скажу.

Зарецкий записал показания, попросил подписать. Старик расписался - коряво, с трудом выводя буквы.

- Когда ехать? - спросил он.

- Завтра. За вами заедет Фома.

- Приеду, - сказал старик. - Приеду.

Зарецкий вышел на улицу. Дождь уже начинался - мелкий, колючий, весенний. Он поднял воротник, пошёл к следующему свидетелю.

День он провёл в разъездах. Третий свидетель - мастеровой с фабрики - видел, как в участок № 10 завозили пачки бюллетеней. Четвёртый - лавочник - слышал, как председатель комиссии говорил кому-то по телефону: «Не волнуйтесь, всё сделаем». Пятый - мелкий чиновник - сам участвовал в вбросах и теперь готов был рассказать всё, в обмен на защиту от Тетерина.

К вечеру у Зарецкого было пять показаний. Пять свидетелей, готовых говорить правду.

Он вернулся в контору усталый, промокший, но довольный. Елена подала чай, укутала в плед.

- Саша, - сказала она. - Это опасно. Ты собираешь свиде-

телей против Тетерина. Он этого не простит.

- Знаю, - ответил он. - Но иного выхода нет.

- Ты подумал о них? Об учительнице, о старике, об этих людях? Ты подумал, что с ними будет, если Тетерин узнает?

- Я их защищу.

- Чем? - Елена повысила голос. - У тебя нет ни денег, ни связей, ни полиции. Ты сам беззащитен. Как ты можешь защищать других?

Зарецкий молчал. Она была права. Он не мог защитить их. Он мог только попытаться.

- Я буду с ними до конца, - сказал он. - Что бы ни случилось.

Елена покачала головой, но ничего не сказала. Ушла в свою комнату.

Зарецкий остался один. Он пил чай, смотрел на огонь свечи и думал. О свидетелях, о Тетерине, о том, что будет завтра.

«Я не имею права их подвести, - подумал он. - Они поверили мне. Они рискуют собой. Я должен сделать всё, чтобы их показания не пропали даром».

Он достал тетрадь, записал:

«Июнь 1888 года. Собрано пять свидетельских показаний. Все подтверждают вбросы на избирательных участках. Завтра приезжает следователь из Москвы. Надеюсь, он будет честным.

Но боюсь, что Тетерин уже позаботился и о нём».

Он закрыл тетрадь, задул свечу и лёг.

Утром следующего дня Зарецкий поехал к учительнице - хотел ещё раз поговорить с ней, уточнить детали. Дорога до школы заняла полчаса - извозчик попался медленный, лошаадь еле тащилась.

Он поднялся на второй этаж, постучал в класс. Дверь была закрыта. Он постучал ещё раз - никто не ответил.

- Анна Петровна! - позвал он.

Тишина.

Он прошёл к соседнему классу, где, наверное, был кто-то из учителей. Дверь открыла пожилая женщина в очках.

- Вам кого?

- Анну Петровну.

- Ах, Анну Петровну, - женщина вздохнула. - А её нет.

Уехала.

- Как - уехала? - Зарецкий похолодел.

- А так. Вчера вечером собрала вещи и уехала. Сказала, что к родственникам в другой город. Надолго ли - не знаю.

Может, и насовсем.

- Куда именно?

- Не сказала, барин. Сказала, что ей нужно отдохнуть, что она устала.

Зарецкий вышел на улицу. Ноги дрожали. Он сел на крыльцо, закрыл лицо руками.

«Исчезла, - подумал он. - Самый главный свидетель исчезла».

Он знал, кто это сделал. Тетерин. Он успел. Добрался до неё раньше, чем Зарецкий успел защитить.

- Фома, - позвал он.

Фома ждал внизу.

- Слушаю, барин.

- Анны Петровны нет. Уехала. Вчера вечером.

Фома побледнел.

- Как же так, барин? Мы же её предупреждали...

- Предупреждали. Но Тетерин оказался быстрее. - Зарецкий встал. - У нас ещё есть свидетель. Старик. Сторож. Нужно ехать к нему, пока не поздно.

Они поехали в богадельню.

Но было поздно.

Егор Кузьмич лежал на койке, накрытый простынёй. сосед по комнате - такой же старый, такой же больной - рассказал, что ночью к нему приходили двое. Поговорили. И старик «внезапно» умер. Врач сказал - сердце.

- Сердце, - повторил Зарецкий, глядя на неподвижное тело. - Сердце.

Он вышел на улицу, вдохнул свежий воздух. В голове гудело.

- Барин... - начал Фома.

- Не надо, - перебил Зарецкий. - Я знаю. Тетерин. Он добрался и до него.

- Что будем делать?

- Поедем к следующему.

Третий свидетель - мастеровой - тоже исчез. Уволился с фабрики, уехал в деревню. Четвёртый - лавочник - отказался от показаний. Сказал Фоме: «Передумал. Не хочу связываться».

Пятый - мелкий чиновник - и вовсе сбежал из города, оставив жену и детей.

К вечеру у Зарецкого не осталось ни одного свидетеля.

Он сидел в конторе, смотрел на пустые листы бумаги. Фома стоял у двери, Елена - у окна.

- Мы проиграли, барин? - спросил Фома.

- Нет, - ответил Зарецкий. - Мы не проиграли. Но они выиграли раунд. Не больше.

Он встал, подошёл к окну. За стеклом темнел вечер, зажигались фонари, шумел город.

«Они думают, что сломали меня, - подумал он. - Думают, что без свидетелей я ничего не смогу. Они ошибаются».

Он повернулся к Фоме.

- У нас есть ещё кое-что, - сказал он.

- Что?

- Документы. Протоколы участковых комиссий. В них есть нестыковки. Номера бюллетеней не сходятся. Подписи разные. Я сам проверю.

- А свидетельские показания? - спросила Елена.

- Обойдёмся без них, - ответил Зарецкий. - Суд должен верить документам больше, чем словам. А если не поверит - мы будем бороться дальше.

Он сел за стол, зажѣг свечу, взял папку с протоколами. И начал работать.

Он работал три дня.

Пересматривал протоколы, сравнивал цифры, искал нестыковки. И находил. На участке № 10 количество выданных бюллетеней не совпадало с количеством опущенных в урну. На участке № 3 подписи членов комиссии были подозрительно одинаковыми - будто их ставил один человек. На участке № 18 был завышен процент явки - 95 процентов, хотя в соседних кварталах - едва 50.

- Это доказательства, - сказал он Фоме, показывая выкладки. - Слабые, косвенные, но доказательства.

- А суд их примет? - спросил Фома.

- Должен. - Зарецкий помолчал. - Если, конечно, судья честный.

- А если нет?

- Тогда будем жаловаться дальше. В Сенат, к государю, в газеты. Я не остановлюсь.

Фома покачал головой, но ничего не сказал.

Вечером, когда Елена ушла спать, а Фома дремал в приѣмной, Зарецкий сидел в конторе и перечитывал свои старые записи. Тетрадь, которую он вѣл с первого дня ученичества у Плевако, была почти исписана. «Ищи чернила, а не слѣзы». «Факт сильнее жалости». «Даже если человек плачет - проверь». «Усталость - главный враг».

Он улыбнулся. Как давно это было. Как давно он был мо-

лодым, горячим, наивным. Теперь он был другим. Усталым, но не сломленным. Опытным, но не циничным.

- Учитель был прав, - сказал он тихо. - Закон - это не победа. Закон - это правда. И я добьюсь этой правды.

Он закрыл тетрадь, спрятал в ящик, запер.

За окном вставало солнце.

Начинался новый день.

Глава 3. Пересчёт

Три недели ожидания показались Зарецкому длиннее, чем вся его предыдущая жизнь.

Он сидел в конторе, перебирал бумаги, принимал клиентов, но мысли были далеко - в Москве, в здании окружного суда, где решалась его судьба. Каждое утро он посылал Фому на почту узнать, нет ли письма. Фома возвращался, разводил руками - пусто. Зарецкий кивал, стараясь не показывать разочарования, и снова садился за стол.

Елена старалась не мешать. Она приносила чай, ставила перед ним, молча выходила. Иногда, когда он засиживался до полуночи, она входила в контору, молча забирала у него перо и говорила: «Иди спать. Завтра тоже будет день». Он слушался. Ей он слушался всегда.

Фома, наоборот, старался отвлечь. Рассказывал новости - кто умер, кто женился, кто разорился. Сплетничал о купцах, о чиновниках, о полиции. Иногда - осторожно, вполголоса - о Тетерине. Говорил, что в городе неспокойно: Тетерин что-

то затевает, скупает землю на Северной окраине, где живут бедные, готовит новый снос. Люди боятся, не знают, куда податься. Некоторые уже продали дома за бесценок, другие готовятся к худшему.

- Если бы вы были в думе, барин, - вздыхал Фома, - вы бы им не дали. Вы бы заступились.

- Буду, - отвечал Зарецкий. - Буду в думе. Скоро.

Он говорил это с уверенностью, которой не чувствовал. Внутри сомнения грызли его, как мыши - тихо, незаметно, но настойчиво. А что, если суд откажет? А что, если Тетерин и там имеет своих людей? А что, если всё - конец?

Он отгонял эти мысли, но они возвращались, возвращались, возвращались.

И вот, в начале августа, когда жара стояла такая, что даже мухи падали замертво, в контору вбежал запыхавшийся Фома. В руках он держал синий бланк телеграммы, лицо его покраснелось, глаза горели.

- Барин! Барин! Из суда! Из Москвы!

Зарецкий выхватил телеграмму, развернул дрожащими руками. На бланке было напечатано всего несколько строк:

«Московский окружной суд. Уведомление. Ваше ходатайство о пересчёте голосов удовлетворено. Создана комиссия. Прибыть в суд 25 августа. Секретарь Корнеев».

Зарецкий перечитал телеграмму трижды. Четырежды. Пять раз. Слова не менялись, но он всё боялся, что ему показалось, что он ослышался, что Фома принёс не ту телеграм-

му.

- Что там, барин? - не выдержал Фома. - Говорите!

- Пересчёт будет, - сказал Зарецкий, и голос его дрогнул.

- Суд назначил пересчёт. 25 августа. На трёх участках.

- Ура! - закричал Фома, подпрыгнув так высоко, как не прыгал, наверное, последние двадцать лет. - Ура, барин! Слышите? Ура!

Он заплясал по комнате, размахивая картузом, натываясь на стулья и столы, не замечая ни боли в ногах, ни одышки. Зарецкий смотрел на него и впервые за долгое время улыбался - не дежурно, не сквозь зубы, а по-настоящему, широко, по-мальчишески.

- Тише, Фома, - сказал он, когда старик начал задыхаться.

- Тише. Ещё не всё.

- Не всё, но уже что-то! - ответил Фома, переводя дух. - Уже что-то, барин!

Из своей комнаты выбежала Елена - слышала шум, испугалась, думала, случилось что-то плохое. Увидела улыбающегося брата, запыхавшегося Фому, синий бланк на столе.

- Что случилось? - спросила она, переводя взгляд с одного на другого.

- Пересчёт будет, - сказал Зарецкий. - 25 августа. В Москве.

Елена закрыла лицо руками. Зарецкий не сразу понял, плачет она или смеётся. Потом увидел, что плечи её вздрагивают, и понял - плачет. Но это были хорошие слёзы.

- Я знала, - сказала она сквозь всхлипы. - Я знала, что правда восторжествует.

- Ещё не восторжествовала, - ответил Зарецкий, обнимая её. - Но мы близко.

Он посадил её на стул, сам сел за стол, взял перо. Начал писать план подготовки к поездке.

- Фома, завтра едем в Москву. Нужно встретиться с секретарём суда, уточнить детали. Кто входит в комиссию, как будет проходить пересчёт, кто может присутствовать.

- Сделаю, барин. Билеты взять?

- Взять. Два билета. Ты поедешь со мной.

- А Елена? - спросил Фома, кивнув в сторону сестры.

- Елена останется. Нужно, чтобы контора работала. Клиенты не должны страдать из-за моей борьбы.

Елена подняла голову, вытерла слёзы.

- Я справлюсь, - сказала она. - Не волнуйся.

- Знаю, - ответил Зарецкий. - Ты сильная.

Он работал до глубокой ночи. Перечитывал все документы - старые жалобы, протоколы участковых комиссий, свидетельские показания, которые удалось собрать. Много из того, что было собрано два года назад, уже не имело силы - свидетели исчезли, отказались от слов, попросту забыли. Но документы остались. Бумаги не врут, не боятся, не исчезают.

«Главное - протоколы, - писал он в тетради. - Цифры. Нестыковки. Если я смогу доказать, что на участках были нарушения, - комиссия обязана пересчитать голоса. А если

пересчитает - может быть, правда восторжествует».

Он закрыл тетрадь, спрятал в саквояж, чтобы не забыть утром. Лёг спать, но сон не шёл. В голове крутились цифры, даты, фамилии. Он представлял, как зайдёт в здание суда, как разложит бумаги на столе, как начнёт говорить. Что скажет? С чего начнёт? Чем закончит?

«Господа члены комиссии, - мысленно произносил он. - Я не прошу вас верить мне на слово. Я прошу вас посмотреть на цифры. Вот они. Вот протокол участка № 10. Вот протокол участка № 3. Вот подписи, вот печати. Сравните. Найдите отличия. И вы увидите, что выборы были нечестными» .

Он проговорил эту речь в голове раз десять, пока наконец не провалился в сон. Снились ему Плевако, старые дела, московские улицы. И цифры. Много цифр. Они плыли перед глазами, складывались в столбцы, расходились, сходились. И никак не хотели сходиться.

Утром, на вокзале, их провожала Елена. Она стояла на перроне, маленькая, худенькая, в своём выцветшем пальто, и смотрела на брата с такой надеждой, что у него сжалось сердце.

- Вернёшься? - спросила она.

- Вернусь, - ответил он.

- С победой?

- Постараюсь.

Она кивнула, перекрестила его. Фома уже сидел в вагоне, высунувшись из окна.

- Барин, едем! - крикнул он. - Сейчас поезд тронется!

Зарецкий обнял сестру, поцеловал в макушку и поднялся в вагон. Поезд дёрнулся, колёса заскрежетали по рельсам. Елена долго стояла на перроне, глядя вслед, пока состав не скрылся за поворотом.

- Справится, - сказал Фома, угадав его мысли. - Она у вас крепкая.

- Знаю, - ответил Зарецкий. - Но всё равно волнуюсь.

Дорога до Москвы заняла почти сутки. Поезд тащился медленно, останавливался на каждом полустанке. В вагоне было душно, пахло махоркой и потом. Зарецкий сидел у окна, смотрел на проплывающие поля, перелески, деревеньки и думал.

Он вспоминал свой первый приезд в Москву - тогда, четыре года назад, он был учеником, стоял у Иверских ворот, сжимал диплом и не знал, куда идти. Плевако взял его, научил, сделал адвокатом. Теперь он возвращался в Москву не учеником - равным. Не за учёбой - за правдой.

«Многое изменилось, - думал он. - Я изменился. Но цель осталась та же: защищать тех, кто не может защитить себя. Только теперь я защищаю не одного человека - я защищаю целый город» .

Поезд прибыл в Москву рано утром. Зарецкий вышел на перрон Курского вокзала, вдохнул знакомый воздух - пахло углём, мазутом и свежей выпечкой из буфета. Фома тащился сзади, нёс саквояж, побряхтывал, но не жаловался.

- Сначала - в гостиницу, барин? - спросил он.

- Сначала - в суд, - ответил Зарецкий. - Нужно встретиться с секретарём, уточнить детали. Гостиница подождёт.

Фома вздохнул, но не спорил.

Здание Московского окружного суда встретило его привычным запахом - табак, сургуч, старые бумаги. Зарецкий поднялся по широкой лестнице, прошёл по коридору, где когда-то сидел на скамейке, поджидая клиентов. Всё было как прежде - те же стены, тот же паркет, те же портреты государей на стенах. Только он был другим.

Секретарь суда, пожилой мужчина с бакенбардами и золотыми очками, встретил его холодно, по-казённому.

- Господин Зарецкий? - спросил он, глядя поверх очков.

- Да, - ответил Зарецкий.

- Ваше ходатайство о пересчёте голосов удовлетворено. Комиссия будет заседать в пятницу, 25 августа, в десять утра. Войдёт в следующих членов...

Он перечислил фамилии - пять человек. Зарецкий записывал. Некоторые имена были ему знакомы - он видел их в документах, в старых делах. О других слышал впервые.

- Кто будет председателем? - спросил Зарецкий.

- Коллежский советник Орлов, - ответил секретарь.

Зарецкий вздохнул с облегчением. Орлов - старый, опытный юрист, известный своей честностью. Он не был человеком Тетерина, он был человеком закона. Если Орлов будет председательствовать, пересчёт, скорее всего, будет чест-

НЫМ.

- Могу я встретиться с ним до заседания?

- Нет, - сухо ответил секретарь. - Члены комиссии не встречаются с заинтересованными лицами до начала работы. Это правило.

- Понимаю. - Зарецкий встал. - Благодарю.

Он вышел из суда. Фома ждал на улице, сидя на скамейке.

- Ну что, барин?

- Всё в силе. Пятница, десять утра. Будет честный судья, Орлов. Я его знаю.

- Дай-то Бог, - сказал Фома. - Дай-то Бог.

Они сняли недорогую комнату в меблированных номерах на Покровке - маленькую, тесную, с одним окном во двор. Фома тут же лёг спать - устал с дороги. А Зарецкий сидел у окна, смотрел на незнакомый двор, на чужие окна, на кошку, которая грелась на подоконнике. И думал.

«Пятница, 25 августа, - записал он в тетради. - День, когда решится моя судьба. Я должен быть готов. Я должен говорить чётко, без лишних эмоций. Только факты. Только цифры. Только доказательства» .

Он не спал всю ночь. Перечитывал документы, запоминал цифры, репетировал речь. К утру он знал каждую бумагу, каждую подпись, каждую печать.

25 августа, без десяти десять, Зарецкий был у входа в зал заседаний.

Фома остался в коридоре - не имел права входить. Он си-

дел на скамейке, сжимая в руках картуз, и молился - беззвучно, одними губами.

Зарецкий вошёл в зал.

Зал был небольшим, на два десятка мест. Посередине - длинный стол, покрытый зелёным сукном. За ним - пять стульев для членов комиссии. У стены - три стула для заинтересованных лиц. Зарецкий сел на один из них, положил перед собой папку с документами.

Члены комиссии входили по одному. Двое - пожилые, в мундирах, с орденами на шее. Двое - молодые, в штатском, с сосредоточенными лицами. И, наконец, председатель - коллежский советник Орлов, высокий, худой, седой, с умными усталыми глазами.

- Комиссия приступает к работе, - объявил Орлов, садясь на своё место. - Предмет рассмотрения - результаты голосования на избирательных участках № 10, 3 и 18 города Грандалинска. Присутствует заинтересованное лицо - господин Зарецкий, кандидат в гласные. Вопросы к нему будут заданы после пересчёта. Приступаем.

Он кивнул секретарю. Секретарь открыл первый ящик - с бюллетенями участка № 10.

Началось.

Члены комиссии вынимали бюллетени по одному, раскладывали их на столе, сортировали по кандидатам. Зарецкий смотрел не отрываясь. Следил за каждым движением, за каждой бумажкой.

Первый час - всё шло спокойно.

Второй час - он заметил, как один из членов комиссии, молодой человек с бегающими глазами, отложил несколько бюллетеней в сторону, не включая их в общую стопку.

- Господин председатель, - сказал Зарецкий, поднимаясь.
- Я прошу обратить внимание на действия этого члена комиссии. Он откладывает бюллетени.

Орлов поднял голову, посмотрел на молодого человека.

- Это так? - спросил он.

- Я... я хотел их перепроверить... - пробормотал тот.

- Перепроверять будет вся комиссия, - ответил Орлов. -
Верните бюллетени в общую стопку.

Молодой человек покраснел, потом побледнел. Он вернул бюллетени, но Зарецкий заметил, как дрожат его руки.

Это был маленький успех.

Пересчёт на участке № 10 занял три часа. В итоге комиссия обнаружила расхождение в 87 голосов. Зарецкий записал цифры.

На участке № 3 было хуже. Урны оказались опечатаны неправильно - печати были сломаны или отсутствовали во все. Протокол, подписанный председателем участковой комиссии, содержал ошибки - не сходились номера, не было дат, подписи членов комиссии были подозрительно одинаковыми.

- Это грубые нарушения, - сказал Зарецкий. - Я требую признать результаты на этом участке недействительными.

- Мы здесь только для пересчёта, - ответил Орлов. - Решение о недействительности - компетенция суда. Но данные мы зафиксируем.

Пересчёт на участке № 3 занял пять часов. Расхождение - 112 голосов.

На участке № 18 было тихо. Спокойно. Никаких видимых нарушений. Пересчитали быстро - за два часа. Расхождение - 12 голосов.

- Комиссия завершила работу, - объявил Орлов. - Протокол будет передан в суд. Заинтересованное лицо может получить копию.

Он посмотрел на Зарецкого.

- У вас есть вопросы, господин Зарецкий?

- Есть, - ответил Зарецкий. - Я прошу комиссию рекомендовать суду признать результаты на участке № 3 недействительными ввиду обнаруженных нарушений.

- Мы не даём рекомендаций, - сказал Орлов. - Только цифры. Всё остальное - суд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.